

Диалог «словесности» и «литературы» в индивидуально-авторскую эпоху: Екклесиаст и творчество Н.С. Лескова

Софья Н. Сатарова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия, satarovasn@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимодействия сакрального и художественного слова в индивидуально-авторскую эпоху. Цель исследования – проследить, как в поэтике Н.С. Лескова отразилось его внимательное отношение к своеобразию библейского слова. Материалом служит рассказ «Томление духа», название и эпиграф которого являются цитатами из ветхозаветной книги Екклесиаста. На основе библейских и литературных текстов определяется семантика сочетания «томление духа». Изучение соответствующего мотива в рассказе Лескова обусловило необходимость анализа произведения с опорой на концепцию диалога «литературы» и «словесности», разработанную С.С. Аверинцевым. В статье указываются основные линии сопоставления двух творческих принципов, сформулированные ученым. Сравняются обозначенные Аверинцевым черты «словесности» со спецификой жанра, архитектоники, сюжета, образов героев рассказа Лескова, благодаря чему устанавливаются доминанты поэтики произведения: изображение мира как течения – «олама», отсутствие портретных и пейзажных описаний, особая концепция памяти, организация метафизического ракурса повествования вокруг мотива томления духа. Результаты анализа позволяют сделать вывод о взаимообусловленности элементов «литературы» и «словесности» в художественном творчестве писателя.

Ключевые слова: русская классическая литература, Библия и литература, книга Екклесиаста, Н.С. Лесков, поэтика писателя, сравнительное литературоведение, С.С. Аверинцев

Для цитирования: Сатарова С.Н. Диалог «словесности» и «литературы» в индивидуально-авторскую эпоху: Екклесиаст и творчество Н.С. Лескова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 7. С. 55–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-55-65

Dialogue of “literature” and “literature”
in the individual-author era:
Ecclesiastes and the work of Nikolai Leskov

Sof'ya N. Satarova

Herzen University, Saint Petersburg, Russia, satarovasn@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the interaction of sacred and artistic words in the individual author's era. The purpose of the study is to trace how N.S. Leskov's poetics reflected his attentive attitude to the originality of the biblical word. The material is the story “Languor of the Spirit”, the title and epigraph of which are quotations from the book of Ecclesiastes. On the basis of biblical and literary texts, the semantics of the combination “languor of the spirit” is determined. The study of the corresponding motive in Leskov's story necessitated the analysis of the work based on the concept of the dialogue of “literature” and “language arts”, developed by S.S. Averintsev. The article indicates the main lines of comparison of the two creative principles formulated by the scientist. The features of “language arts” indicated by Averintsev are compared with the specifics of the genre, architectonics, plot, images of the heroes of Leskov's story, thanks to which the dominants of poetics are established: an image of the world as an “olam”, an absence of portrait and landscape descriptions, a special concept of memory, an organization of the metaphysical perspective of the narrative around the motif of languor of the spirit. The results of the analysis allow to conclude about the interdependence of the elements of “literature” and “language arts” in the artistic creativity of the writer.

Keywords: Russian classical literature, the Bible and literature, the book of Ecclesiastes, N.S. Leskov, poetics of the writer, comparative literary studies, S.S. Averintsev

For citation: Satarova, S.N. (2023), “Dialogue of ‘literature’ and ‘literature’ in the individual-author era: Ecclesiastes and the work of Nikolai Leskov”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 55-65, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-55-65

Введение

В науке о Лескове активно изучается вопрос своеобразия художественного слова, отмечается его связь с фольклором и древнерусской литературой, драматическим искусством, сократическим диалогом [Авдеева 2003; Евдокимова 2021; Ильинская 2008; Ильяшенко 2001; Минеева, Годяева 2007; Уртминцева 2006; Федотова 2015] и проч. Одной из наиболее разработанных в литературоведении является тема «Лесков и Библия». Ученые обнаружили многочисленные реминисценции библейских текстов в твор-

честве писателя, анализировали их роль в его поэтике, однако не уделяли внимания осмыслению библейского слова как библейского, специфике его бытования в текстах Лескова. В этой связи представляется важным проследить, как особый интерес писателя к природе сакрального слова (которое, по его словам, «очень картинное»)¹ повлиял на становление его творческого метода.

Такая постановка вопроса – влияние библейского слова на поэтику художественного произведения индивидуально-авторской эпохи – принадлежит проблемному полю взаимоотношения культур Запада и Востока, разработанному Н.И. Конрадом, С.С. Аверинцевым, Е.М. Мелетинским, М.П. Алексеевым, А.Б. Куделиным [Конрад 1966; Мелетинский 1988; Гаспаров, Куделин 1982; Лихачев 1996] и др. Глубокую и детальную разработку проблема встречи западной литературы и библейской словесности получила в трудах С.С. Аверинцева. В фокусе учебного находится «динамическое равновесие культуры» [Седакова 2020, с. 79]², улавливаемое им в остроте контрастов, в нахождении общего в противоположном, взаимопроникновении и соприкосновении явлений литературной жизни, в открытости литературы другим возможностям, проявляющейся в ее постоянном развитии. Изучение письменных памятников «в большом ансамбле культурной истории» [Седакова 2020, с. 109] позволило Аверинцеву распознать и описать два творческих принципа – литературы «связанной с жизнью», т. е. собственно литературы, появившейся у греков, и литературы «внутри жизни», или сакральной литературы – «словесности», – возникшей на Ближнем Востоке.

Концепция диалога «литературы» и «словесности», предложенная ученым, может быть положена в основу нового подхода к изучению русской классики, а в частности – новой интерпретации доминант поэтики Лескова.

Лесков и Екклесиаст: мотив томленья духа

К одному из проявлений диалога «литературы» и «словесности» относится присутствие в текстах писателя цитат и реминисценций из Екклесиаста – книги, входящей в канон Священного Писания иудеев (Танаха) и христиан (Ветхого Завета), принад-

¹ *Лесков Н.С.* Письмо С.Н. Терпигореву (10.05.1887) // *Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. / Под общ. ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума и др. Т. 11. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 347.*

²

лежащей к «жанру» «литературы премудрости». Влияние Екклесиаста на поэтику Лескова можно проследить на материале одного из поздних рассказов – «Томление духа» (1890). Его эпиграф – неточная цитата Книги Проповедника: «Все это томление духа. Екклесиаст»³. Так, выражение *томление духа* должно наиболее полно выявлять смысл произведения, поскольку оно вынесено в заглавие и эпиграф. Тем не менее в самом тексте оно ни разу не встречается. В Екклесиасте это сочетание появляется 9 раз и в большинстве случаев стоит после лексемы *суета*, указывающей на «пустоту, иллюзорность, мимолетность и непостоянство»⁴ всего земного. Томление духа противостоит в контексте книги покою: «Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа»⁵, т. е. его семантику составляют мучение, страдание. Связь сочетания с темой суетности земной жизни, с мотивами мучения и стремления к познанию глубинных тайн бытия (отмечавшаяся как в интерпретациях отцов церкви, так и в художественных произведениях Нового и Новейшего времен [Бычков 2007; Арсеньев 1974]), усложняет смыслы, заложенные в произведение, затрудняет их понимание читателем.

Прояснить семантику сочетания «томление духа» в контексте рассказа можно через анализ сюжета, архитектоники, а также мотивно-тематического уровня и уровня героев. Мир персонажей делится надвое, и принципом этого разделения является корреляция их образов с мотивом томления духа. Первое пространство – материальное, костное; его устройство подчиняется законам социальной стратификации, в нем также важны семейные связи. Второе пространство – метафизическое, динамичное, где не учитывается ни социальный статус, ни родственные связи, а важным оказывается лишь одно качество человека – способность любить. Столкновение этих двух пространств приводит, с одной стороны, к изгнанию Ивана Яковлевича – учителя повествователя, с другой – к духовному прозрению повествователя.

В своем монологе Иван Яковлевич описывает мучение от несправедливости наказания, назначенного невиновному маль-

³ Лесков Н.С. Томление духа // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. / Общ. ред. В.Ю. Троицкого. Т. 12. М.: Правда, 1989. С. 392.

⁴ Словарь библейских образов: энциклопедическое исследование образов, символов, основных тем, метафор, речевых оборотов и литературных стилей Библии / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III; Пер. Б.А. Скороходов, О.А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 479.

⁵ Книга Екклесиаста, или Проповедника // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: РБО, 2012. С. 620.

чику: «...во мне дух взбунтовался... проснулся к жизни дух... свободный дух от всякой клятвы...»⁶. Подобное чувство испытал и повествователь: «...к вечеру некоторых из нас это стало невыносимо мучить, и... я не стерпел и сказал Ивану Яковлевичу, что Костю наказали напрасно»⁷. Смыслы этих высказываний, на наш взгляд, соотносятся со смыслами, вложенными в сочетание «томление духа» как отцами церкви, так и литературной традицией: оно раскрывается как состояние внутреннего мира человека, соотносится с метафизическим пространством, связывается с темами несправедливости, бунта, прощения, любви и веры.

Кроме того, в рассказе присутствуют маркеры, указывающие на развитие в тексте собственно смыслов Екклесиаста. Смысловую нагрузку в данном случае несет идея невиновности Ивана Яковлевича и напрасности его изгнания. Завязка произведения – воровство сливы и наказание Кости – является реминисценцией на ветхозаветную книгу, в которой не раз появляется тема бесполезности труда, плоды которого достанутся другому⁸. Под таким углом зрения мотив томления духа как напрасное, тщетное усилие в рассказе реализован на сюжетном и тематическом уровнях и принадлежит к материальному пространству, в рамках которого все дела оказываются напрасными. Разорвать замкнутость установленного порядка позволяет развитие сюжета в метафизическом ракурсе через библейские реминисценции, а также через описание «духовно исключительных» состояний героев рассказа.

О концепции диалога «литературы» и «словесности»

Еще большей глубины понимания текста можно достичь при рассмотрении этого сочетания как библейского выражения, помещенного в ткань художественного произведения, таким образом связав его эстетику с живописностью Библии и допустив возможность воплощения в рассказе особенностей «словесности», наиболее подробный анализ которых представлен в статье С.С. Аверинцева «Греческая “литература” и ближневосточная “словесность”» [Аверинцев 1996].

⁶ Лесков Н.С. Томление духа... С. 394.

⁷ Там же. С. 393.

⁸ Книга Екклесиаста, или Проповедника... С. 621.

Обозначим некоторые особенности «литературы» и «словесности», которые, на наш взгляд, оказывают существенное влияние на поэтику Лескова. Прежде всего – отношение к слову. В Греции – это слово авторское, найденное для создания литературного шедевра; на Востоке – «принципиально неавторское слово, брошенное на волю потока, предоставленное всем превращениям непрекращающегося разговора» [Аверинцев 1996, с. 20]. Различно для «словесности» и «литературы» и отношение к человеку. На Ближнем Востоке он предстает носителем действия, его устойчивые характеристики лишены характерологического содержания, но указывают на его место в Бытии. Отсутствует дистанция между автором, «героем» и читателем, их отношения можно назвать субъектно-субъектными. В Греции между изображающим и изображенным появляется дистанция: автор становится наблюдателем, а герои – объектами его «художнического наблюдения». Мир в культурах Афин и Иерусалима также представлен по-разному. В «словесности» под миром понимается «олам», т. е. «поток времени, несущий в себе все» [Аверинцев 1996, с. 36], в котором задаются предельные состояния мира (катастрофа / чудо), природа и вещи называются по ходу действия, не становятся объектами отдельного самоцельного описания. Мир «литературы» зиждется на равенстве вещей самим себе, устойчивости, порядке, представляя собой «космос», где все обуславливается спецификой пространства – даже время.

Поэтика рассказа «Томленья духа» в свете концепции Аверинцева

Вернемся к анализу рассказа Лескова. Прежде всего укажем, что как Книга Екклесиаста, к которой отсылает писатель, принадлежит к «литературе премудрости», так и в рассказе наличествуют элементы жанров поучения, проповеди. Кроме того, главный герой воплощает в себе образ наставника (не только потому, что является учителем немецкого, но и потому, что благодаря его поучениям повествователь обретает духовное зрение). Эта взаимосвязь позволяет включить тексты в сферу диалога. Аверинцев отмечал, что связующим звеном между «словесностью» и «литературой» стало особое внимание к мудрости, поэтому синтез этих творческих принципов обычно происходит в сфере «литературы премудрости», афористики «хахамов».

В рассказе Лескова практически отсутствуют описания. Изображение главного героя не позволяет представить себе его пор-

трет: указывается лишь то, что он был высоким и худым, упоминается одежда, в которую он был одет. В экспозиции предлагается цепь событий, которая привела к настоящему положению дел (появлению Ивана Яковлевича в доме), что напоминает свойство библейского мира – «олама». Изображение окружающего мира в рассказе обусловлено «утилитарными нуждами повествования» (С.С. Аверинцев): большинство эпитетов подсказывает читателю дальнейшее развитие сюжета, указывает на место персонажа, вещи или явления в ходе истории: *вечно пьяный и драчливый* учитель Кольберг (отчего будет выгнан со службы), выросшая в саду *редкостная* слива (отчего дядя заметил, что ее плоды сорваны) и т. д. Из подобных характеристик так же невозможно воссоздать картину, как не позволяет это сделать тип описания в «словесности». В конце рассказа и вовсе сделан акцент на том, что для будущей встречи с Иваном Яковлевичем «...все стороны равны. Пространство для него не существует»⁹. Трансформируется и точка зрения повествователя: в последнем абзаце ее невозможно определить, поскольку все изображаемые действия являются метафорой его духовных поисков.

Итак, в рассказе писатель изображает мир как «олам». С подобным типом изображения соотносится и жанровый подзаголовок произведения: «Из отроческих воспоминаний». Жанры хроники и воспоминания, как писал Лесков, основаны «не на романтической фабуле, а на временном изображении событий»¹⁰. Главным их достоинством писатель признает жизнеподобие: «Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою»¹¹. Эта характеристика соотносится с определением «словесности», предлагаемым Аверинцевым, как *литературы «внутри жизни»*. Жанровый подзаголовок рассказа указывает на особую структуру произведения, которая включает в себя прошлое, настоящее и будущее. Это приводит к тому, что событийный план повествования происходит в прошлом, в то время как метафизический – в вечности.

⁹ Лесков Н.С. Томленья духа... С. 398.

¹⁰ Цит. по: Виноградов В.В. Достоевский и Лесков в 70-е годы XIX века: Анонимная рецензия Ф.М. Достоевского на «Соборян» Лескова // Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. С. 523.

¹¹ Лесков Н.С. Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева) // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. / Под общ. ред. В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума и др. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1957. Т. 5. С. 279.

Жанр воспоминания соотносится и с особой концепцией памяти, воплощенной в произведения писателя. Соглашаясь с О.В. Евдокимовой в том, что аналогией этой концепции является теория памяти Анри Бергсона [Евдокимова 2001], мы добавим, что и структура библейского «олама» вбирает в себя понимание мира как «течения» (по Аверинцеву) или «длительности» (по терминологии Бергсона). Справедливо замечание гебраиста Игоря Тантлевского о том, что в основе вселенной, представленной в книге Кохелета,

...лежит длительность... – как в основе человеческого сознания, которое по сути своей и есть, по А. Бергсону, длительность. <...> Таким образом, оказывается, что человек получает возможность постигать мир как длительность благодаря тому, что длительность вложена Богом в основу его сознания¹².

Концепция памяти, «практически неотделимой от восприятия» (Бергсон), сходным образом раскрывающаяся как в библейском, так и в лесковском текстах, делает нерасторжимыми телесное и духовное, человеческое и божественное.

Метафизический ракурс сюжета реализуется Лесковым в сфере духа, отчего он неразрывно связан с мотивом томления духа, образом Святого Духа, с поэтикой памяти и с особым типом героя-праведника. Благодаря ориентации писателя на «словесность»: через соединение эпитафии из Екклесиаста, нехудожественного жанра воспоминаний и структур, смыслов и прочих особенностей сакрального текста – рассказ «Томление духа» обретает свою художественную природу (ср. с попытками восстановления биографии Лескова по событийному уровню рассказа, предпринятыми Р.И. Сементковским¹³ и А.И. Фаресовым¹⁴).

¹² Книга Кохелета / Пер., примеч., философско-теологический очерк И.Р. Тантлевского. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 118.

¹³ *Сементковский Р.И.* Николай Семенович Лесков // Лесков Н.С. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 1. СПб.: Типография А.Ф. Маркса, 1902. С. 5–66.

¹⁴ *Фаресов А.И.* Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб.: Типография М. Меркушева, 1904. 411 с.

Заключение

Таким образом, цитирование Лесковым Книги Екклесиаста позволяет рассмотреть взаимосвязь текстов в свете концепции диалога «литературы» и «словесности». Вынесенное в заглавие и эпиграф сочетание «томленье духа» не только провоцирует к сопоставлению смыслов, заложенных в Екклесиасте и в рассказе, но и устанавливает особенности метафизического ракурса повествования: превалирование временных координат над пространственными, отсутствие портрета и пейзажа, оформление рассказа в жанре воспоминаний. Благодаря анализу рассказа через ее соотнесение с принципами изображения мира и человека в Библии, обозначенными в статье Аверинцева, выявляется взаимообусловленность основных ее элементов.

Литература

- Авдеева 2003 – *Авдеева Н.Г.* И.С. Тургенев и Н.С. Лесков в диалоге с Шекспиром // И.С. Тургенев и Ф.И. Тютчев в контексте мировой культуры. Орел, 2003. С. 100–103.
- Аверинцев 1996 – *Аверинцев С.С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 13–75.
- Арсеньев 1974 – *Арсеньев Н.* О лирической поэзии Шелли, Тютчева и Хуана де ла Крус // Арсеньев Н. О красоте и мире. Мадрид, 1974. С. 49–85.
- Бычков 2007 – *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 743 с.
- Гаспаров, Куделин 1982 – Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации: В 4 вып. / Под ред. М.Л. Гаспарова, А.Б. Куделина, Е.М. Мелетинского и др. М., 1982–1989.
- Евдокимова 2001 – *Евдокимова О.В.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб.: Алетейя, 2001. 317 с.
- Евдокимова 2021 – Н.С. Лесков в контекстах истории культуры: Колл. монография. СПб., 2021. 334 с.
- Ильинская 2008 – *Ильинская Т.Б.* Религиозно-фольклорные мотивы в творчестве Лескова (1860–1875 гг.) // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2008. С. 121–128.
- Ильяшенко 2001 – *Ильяшенко Т.А.* Евангельские купели: Библизмы у Н.С. Лескова // Русская речь. 2001. № 1. С. 73–78.
- Конрад 1966 – *Конрад Н.И.* Запад и Восток: Статьи. М., 1966. 520 с.
- Лихачев 1996 – Россия, Запад, Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева / Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1996. 444 с.

- Мелетинский 1988 – *Мелетинский Е.М.* Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы (Запад/Восток) // Литература и искусство в системе культуры: Сб. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. С. 76–87.
- Минеева, Годяева 2007 – *Минеева И.Н., Годяева Н.В.* Жанр сократического диалога в творчестве Н.С. Лескова // Художественный текст: опыты интерпретации. Петрозаводск, 2007. С. 25–32.
- Райкен 2005 – Словарь библейских образов: энциклопедическое исследование образов, символов, основных тем, метафор, речевых оборотов и литературных стилей Библии / Под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III; Пер. Б.А. Скороходов, О.А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2005. 1423 с.
- Седакова 2020 – *Седакова О.А.* С.С. Аверинцев. Труды и дни // Сергей Сергеевич Аверинцев. Воспоминания. Размышления. Посвящения. М.: СФИ, 2020. С. 55–144.
- Урминцева 2006 – *Урминцева М.Г.* Н.С. Лесков – интерпретатор проложных сюжетов // Православие в контексте отечественной и мировой литературы. Арзамас, 2006. С. 326–333.
- Федотова 2015 – *Федотова А.А.* Религиозные аллюзии в повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 133–137.

References

- Arsen'ev, N. (1974), "About the lyrical poetry of Shelley, Tyutchev and Juan de la Cruz", Arsen'ev, N. *O liricheskoi poezii Shelli, Tyutcheva i Huana de la Krus* [About beauty and the world], Madrid, Spain, pp. 49–85.
- Avdeeva, N.G. (2003), "I.S. Turgenev and N.S. Leskov in dialogue with Shakespeare", *I.S. Turgenev i F.I. Tyutchev v kontekste mirovoi kul'tury* [I.S. Turgenev and F.I. Tyutchev in the context of world culture], Orel, Russia, pp. 100–103.
- Averintsev, S.S. (1996), "Greek 'literature' and Middle Eastern 'language arts'", Averintsev S.S., *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoitradsitsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition], Shkola "Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 13–75.
- Bychkov, V.V. (2007), *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian Theurgical aesthetics], Ladomir, Moscow, Russia.
- Evdokimova, O.V. (2001), *Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova* [Mnemonic elements of N.S. Leskov's poetics], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Evdokimova, O.V. (ed.) (2021), *N.S. Leskov v kontekstakh istorii kul'tury* [N.S. Leskov in the context of cultural history], Saint Petersburg, Russia.
- Gasparov, M.L., Kudelin, A.B. and Meletinskii, E.M. (eds.) (1982–1989), *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii: v 4 vyp.* [East–West. Researches. Translations. Publications: in 4 issues], Moscow, Russia.
- Fedotova, A.A. (2015), "Religious Allusions in the Novel 'Hare Remise' by Leskov", *Verhnevzhski Philological Bulletin*, no 3, pp. 133–137.
- Il'yashenko, T.A. (2001), "Gospel Fonts: Biblical Texts by N.S. Leskov", *Russkaya rech'* [Russian Speech], no. 1, pp. 73–78.

- Il'inskaya, T.B. (2008), "Religious and folklore motifs in the works of Leskov (1860–1875)", *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga* [Print and word of Saint Petersburg], Saint Petersburg, Russia, pp. 121–128.
- Konrad, N.I. (1966), *Zapad i Vostok* [West and East], Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S. (ed.) (1996), *Rossiya, Zapad, Vostok: Vstrechnye techeniya. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. M.P. Alekseeva* [Russia, West, East: Counter currents. To the 100th anniversary of the birth of Academician M.P. Alekseev], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Meletinskii, E.M. (1988), "Problems of Comparative Study of Medieval Literature (West/East)", Piotrovskii B.B. (ed.), *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury* [Literature and art in the cultural system], Moscow, Russia, pp. 76–87.
- Mineeva, I.N. and Godyaeva, N.V. (2007), "The genre of socratic dialogue in the works of N.S. Leskov", *Khudozhestvennyi tekst: opyty interpretatsii* [Artistic text: experiments of interpretation], Petrozavodsk, Russia, 2007, pp. 25–32.
- Sedakova, O.A. (2020), "S.S. Averintsev. Works and days", Sergei Sergeevich Averintsev. Vospominaniya. Razmyshleniya. Posvyashcheniya [Sergei Sergeevich Averintsev. Memories. Reflections. Dedications], SFI, Moscow, Russia, pp. 55–144.
- Urtmintseva, M.G. (2006), "N.S. Leskov – interpreter of literary plots", *Pravoslaviye v kontekste otechestvennoi i mirovoi literatury* [Orthodoxy in the context of Russian and world literature], Arzamas, Russia, pp. 326–333.

Информация об авторе

Софья Н. Сатарова, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48; satarovasn@mail.ru

Information about the author

Sofya N. Satarova, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia; 48, Moika Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191186; satarovasn@mail.ru